

COVENANT & CONVERSATION

ЭССЕ ОБ ЭТИКЕ

РАББИ ЛОРД ДЖОНАТАН САКС, ЗЕХЕР ЦАДИК ЛИ-ВРАХА

ПЕРВОНАЧАЛЬНО НАПИСАНЫ И ОБНАРОДОВАНЫ В 5775 ГОДУ

Благодарим организацию "Уол легаси" (Wohl Legacy) за щедрую спонсорскую поддержку Covenant & Conversation. Морис был дальновидным филантропом. Вивьенн была глубочайше скромной женщиной. Вместе они представляли собой уникальный тандем - преданный своему делу и милосердный, "жить" значило для них "жертвовать".

Перевод с английского **Светланы Силаковой**

Лицо зла «Бешалах»

После 11 сентября 2001 года, когда ужас и травма слегка отступили в прошлое, американцы задались вопросом: что, собственно, случилось и почему? Что это было — бедствие? Трагедия? Преступление? Военные действия? Казалось, это событие не вписывается в парадигмы, существовавшие прежде. А почему оно случилось?..

Вопрос, который чаще всего задавали об «Аль-Каиде» (запрещена в РФ. — *Ред.*), звучал так: «Почему они нас ненавидят?»

По следам событий американский мыслитель Ли Харрис написал две книги — «Цивилизация и ее враги» и «Самоубийство разума»¹. В качестве пищи для размышления это одни из самых интересных откликов на случившееся, опубликованных за десятилетие. По утверждениям Харриса, мы задаем эти вопросы и не можем найти ответ, потому что мы на Западе позабыли понятие «враг». Либерально-демократическая политика и рыночная экономика формируют определенный тип общества, особый образ мысли и характерный тип личности. Их ядро — понятие «рациональный актер»: человек, оценивающий действия по их последствиям и выбирающий максимально эффективный вариант. Рациональный актер полагает, что у любой проблемы есть решение, а у любого конфликта — способ урегулирования. Чтобы достичь решения или урегулирования, нужно сесть напротив друг друга, провести переговоры и сделать то, что после принятия во внимание всех факторов окажется наилучшим для всех.

В таком мире нет врагов, а есть лишь конфликты интересов. Враг, пишет Харрис, всего лишь «друг, для которого мы пока недостаточно сделали»². Однако в реальном мире далеко не каждый — либерал и демократ. Враг — «кто-то, готовый умереть ради того, чтобы убить вас. Верно, что у ненависти врага к нам всегда есть какая-то причина, но это причина в его понимании, а не в нашем». Он видит мир не таким, каким видим мир мы, и в его мире именно мы — враг. Почему они нас ненавидят? Харрис отвечает: «Они нас ненавидят, потому что мы — их враги».

¹ Lee Harris. Civilization and Its Enemies: The next Stage of History. New York: Free Press, 2004. The Suicide of Reason, New York: Basic Books, 2008.

² Harris. Civilization. P. XII–XIII.

Безотносительно к тому, правильны или ошибочны конкретные выводы Харриса, его основная мысль верна и глубока. Мы можем ослепнуть в умственном отношении, сочтя, что то, каким видим мир мы (каким его видят наше общество, наша культура, наша цивилизация), — единственно возможный взгляд на вещи, или что, как минимум, это мировосприятие выберет любой человек, если ему представится возможность.

Объяснить эту ошибку можно лишь полным неумением постичь историю идей, а ошибка может быть пагубной.

Когда в 1520 году правитель ацтеков Монтесума встретился с руководителем испанской экспедиции Кортесом, он предположил, что знакомится с цивилизованным человеком из цивилизованной страны. За эту ошибку Монтесума расплатился жизнью, а спустя год не стало ацтекской цивилизации.

Не все видят мир таким, каким видим его мы. По замечанию Ричарда Уивера, «беда человечества в том, что оно забывает прочесть протокол последнего совещания»³.

Это объясняет значимость необычной заповеди, которая содержится в конце нашей недельной главы. Сыны Израиля спаслись от, казалось бы, неотвратимой угрозы — колесниц египетской армии, представлявших собой высшее достижение военной техники той эпохи. Чудесным образом море расступилось, сыны Израиля перешли на другой берег. А египтяне, поскольку колеса их колесниц завязли в иле, не смогли ни продвинуться вперед, ни отступить, и на них обрушился прилив моря, вернувшегося на прежнее место.

Сыны Израиля воспели песнь и, казалось, наконец-то оказались на свободе. Но тут произошло неблагоприятное и неожиданное событие. На них напал новый враг: амалекитяне — жившая в пустыне группа кочевников. Моше поручил Йеошуа повести народ в бой. Они сражались и победили. Но Тора четко разъясняет, что это сражение не было ординарным:

Г-сподь сказал Моше: «Сделай об этом памятную запись и прочти ее Йеошуа: бесследно сотру Я память об Амалекитянах под небесами!»

Моше построил жертвенник и нарек ему имя «Г-сподь — мое знамя». [Моше] провозгласил: «Вот рука на престоле Г-спода [с клятвой]: война у Г-спода с Амалекитянами в поколение в поколение!» (Шмот, 17:14–16).

Утверждение престранное, причем резко контрастирующее с тем, как Тора говорит о египтянах. При жизни Моше амалекитяне лишь единожды напали на Израиль. Египтяне долгое время угнетали сынов Израиля: притесняли их, обратили в рабство, затеяли медленный геноцид путем убийства всех детей мужского пола, рождавшихся в семьях сынов Израиля. Весь посыл рассказа, казалось бы, подсказывает: если хоть какая-либо страна или нация станет символом зла, то это будет Египет.

Но в действительности все оказывается наоборот. В Дварим Тора устанавливает: «*Не гнушайтесь египтянами, ведь вы сами были переселенцами в их стране*» (Дварим, 23:8). Чуть позднее Моше повторяет заповедь об амалекитянах, дополняя ее многозначительной подробностью:

Помните о том, что сделали вам амалекитяне, когда вы шли по дороге из Египта! Они подстерегли вас на дороге и перебили всех тех из вас, кто ослаб и шел позади, — вы были утомлены и обессилены, но они не побоялись Б-га... Сотрите под небесами память об амалекитянах. Не забудьте! (Дварим, 25:17–19).

Нам заповедано не питать ненависти к Египту, но никогда не забывать об Амалекитянах. Чем объясняется это различие? Самый простой ответ: припомнить слова раввинов в «Почтениях

³ *Ideas Have Consequences*, Chicago: University of Chicago Press, 1948. P. 176.

отцов»: «Если любовь зависит от какой-либо причины, исчезнет эта причина — исчезнет любовь. Если она ни от чего не зависит — никогда не исчезнет» (Авот, 5:16).

Это правило применимо и к ненависти. Когда ненависть зависит от какой-либо причины, она остывает, едва причина исчезает. Беспричинная, необоснованная ненависть длится вечно.

Египтяне угнетали сынов Израиля, потому что, говоря словами фараона, «сыны Израиля становятся слишком многочисленными и сильными для нас»⁴ (Шмот, 1:9). Иными словами, их ненависть порождалась страхом. Эта ненависть не была иррациональной. За какое-то время до того египтян атаковала и покорила чужеземная группа людей, которую принято называть «гиксосы», и воспоминания об этом периоде оставались яркими и болезненными. Но для амалекитян *сыны Израиля* не были угрозой. Амалекитяне напали на «утомленных и обессиленных людей», конкретно на тех, кто «ослаб и шел позади». Короче говоря, *египтяне боялись сынов Израиля, потому что те были сильны. Амалекитяне напали на сынов Израиля, потому что те были слабы.*

Если выразаться в современных терминах, египтяне были рациональными акторами, а амалекитяне — нет. С рациональными акторами возможно заключить мир путем переговоров: в конце концов участники конфликта осознают, что уничтожают не только своих врагов, но и самих себя. Именно это сказали фараону после семи казней его советники: «Разве ты до сих пор не осознаешь, что Египет разрушен?»⁵ (Шмот, 10:7). Наступает момент, когда рациональные актотры осознают, что преследование своекорыстных интересов стало саморазрушительным, и учатся сотрудничать.

Но иначе ведут себя актотры, не мыслящие рационально. Эмиль Факенхайм, один из величайших теологов после Холокоста, отметил, что в конце Второй мировой войны немцы ради того, чтобы доставить евреев в лагеря смерти, направляли окольным путем эшелоны с грузами для своих войск. Ненависть настолько руководила их действиями, что они были готовы пойти на риск поражения, лишь бы осуществить систематическое уничтожение евреев Европы. Это было, писал Факенхайм, зло ради зла⁶.

В еврейской памяти амалекитяне выполняют функцию «врага» в том смысле, в котором употреблял это слово Ли Харрис. Однако еврейской закон устанавливает две совершенно разные формы действий в отношении амалекитян. Первая — физическая заповедь вести с ними войну. Шмуэль велел Шаулю это сделать, а Шауль не в полной мере выполнил эту заповедь. Применима ли по-прежнему эта заповедь сегодня?..

Рабби Нахум Рабинович отвечает недвусмысленно: «нет»⁷. Маймонид постановил, что заповедь истреблять амалекитян была применима лишь в случае, если те отказывались заключить мир и принять семь заповедей потомков Ноаха. Далее он установил, что заповедь более не применима с тех пор, как ассирийский правитель Сеннахериб увел и переселил на новые места покоренные им народы, и в результате стало невозможно установить этническую принадлежность к какому-либо из изначальных народов, с которыми сынам Израиля было заповедано воевать.

Он также писал в «Путеводителе растерянных», что заповедь применима лишь к людям конкретного биологического происхождения. Ее не следует применять огульно к врагам или ненавистникам еврейского народа. Итак, заповедь вести войну с амалекитянами более не применима.

Однако есть совершенно иная заповедь: «помните» и «не забудьте» Амалека, и ее мы выполняем ежегодно, читая фрагмент о заповеди об амалекитянах, который содержится в Дварим, на шабат перед Пуримом: шабат захор (с Пуримом она связана потому, что Аман-

⁴ Так в английском переводе, который цитирует автор. В русском переводе Д. Сафронова: «сыны Израиля многочисленнее и сильнее нас». — *Примеч. перев.*

⁵ В русском переводе Д. Сафронова: «Разве ты не видишь, что Египет гибнет?» — *Примеч. перев.*

⁶ Fackenheim Emil L. and Michael L. Morgan. The Jewish Thought of Emil Fackenheim: A Reader. Detroit: Wayne State UP, 1987. P. 126.

⁷ Rabbi N L Rabinovitch. Responsa Melomdei Milchamah. Maaleh Adumim, Maaliyot, 1993. P. 22–25.

Агагит был, как предполагается, потомком Агага, царя амалекитян). Здесь Амалек стал скорее символом, чем реальной фигурой.

Разграничив таким образом ответные меры, иудаизм проводит четкое различие между древним врагом, которого больше не существует, и злом, которое воплощал в себе этот враг, — злом, которое в любое время в любом месте может разбушеваться снова.

В мирные времена легко забыть о зле, таящемся в человеческом сердце неглубоко — прямо под поверхностью. Последние триста лет это наблюдение верно как никогда. Зарождение Просвещения, толерантности, эмансипации, либерализма и прав человека убедило многих людей, среди которых были и евреи, что коллективное зло исчезло точно так же, как исчезли амалекитяне. Мол, зло существовало тогда, а теперь его нет. Та эпоха в конце концов породила национализм, фашизм, коммунизм, две мировые войны, некоторые из жесточайших тираний, какие только знала история, а также наихудшее преступление человека против человека.

Сегодня сильнейшая опасность — терроризм. И здесь особенно уместны слова Майкла Уолцера, профессора политической философии из Принстонского университета: «Везде, где мы видим терроризм, нам следует искать тиранию и гнет... Террористы стремятся властвовать, а их метод — убийство. У них есть своя внутренняя полиция, свои “эскадроны смерти”, они устраивают так, что люди пропадают без вести. Они начинают с убийств или запугивания тех своих товарищей, которые чинят им препятствия, а затем проделывают то же самое, если могут, в кругах людей, представителями чьих интересов сами себя провозглашают. Если террористы добиваются успеха, они властвуют в духе тирании, а народ их страны расплачивается за власть террористов, хоть и не давал на это согласия»⁸.

Зло никогда не умирает и, как и свобода, требует неусыпной бдительности. Нам заповедано помнить не ради прошлого, а ради будущего, и не ради мести, а ради ее противоположности: ради мира, свободного от мести и других форм насилия.

Ли Харрис начал свою работу «Цивилизация и ее враги» словами: «Тема этой книги — забывчивость»⁹, а завершил вопросом: «Может ли Запад преодолеть забывчивость — это проклятие всех успешных цивилизаций?»¹⁰

Вот почему нам заповедано помнить и никогда не забывать Амалека — не потому, что его древний народ существует доныне, а потому, что общество рациональных акторов иногда может уверовать, что на свете полным-полно рациональных акторов, с которыми можно заключить мир путем переговоров. Так обстоит не всегда.

Эта библейская идея чуть ли не как никакая другая существенна для будущего Запада и будущего свободы вообще.

Заклучить мир — это возможно, намекает Моше, даже мир с Египтом, поработившим и пытавшимся уничтожить нас. Но мир невозможно заключить с теми, кто нападает на народы, которые мнит слабыми, а своему народу отказывает в той самой свободе, борцом за которую себя объявляет. Залог свободы — наша способность помнить и при необходимости противостоять «вечной банде безжалостных людей»¹¹ — лицу Амалека на протяжении всей истории человечества. Возможно, иногда нет альтернативы, кроме как повести войну со злом и разгромить его. Это может оказаться единственным путем к миру.

www.RabbiSacks.org   @RabbiSacks

The Rabbi Sacks Legacy Trust, PO Box 72007, London, NW6 6RW • +44 (0)20 7286 6391 • info@rabbisacks.org

© Rabbi Sacks • All rights reserved

⁸ Michael Walzer, *Arguing about War*, Yale University Press, 2004. P. 64–65.

⁹ Harris, *Civilization*, P. XI, 216.

¹⁰ Ibid. P. 218.

¹¹ Ibid. P. 216.